

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-9.10>

Шувалова Юлия Борисовна

**ПАТРИОТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В ЖИЗНИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В статье на примере Пермской губернии рассматриваются эмоциональный и поведенческий аспекты патриотизма как социально-психологического явления периода Первой мировой войны. Документальные материалы позволили выявить особенности проявлений патриотических чувств жителей провинции в ситуации военного времени, оценить уровень организации мероприятий патриотического характера. Мероприятия патриотической направленности создавали в провинциальном пространстве необходимую эмоциональную среду и, превратившись в 1914 г. в систему, стали действенным средством социокультурной регуляции поведения жителей провинции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/9/10.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(95) С. 50-54. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**STATE OF THE HOUSING STOCK OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY:
PECULIARITIES OF REGIONAL DISPROPORTION AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

Khrishkevich Tat'yana Georgievna, Ph. D. in History, Associate Professor
Pskov State University
faschoda@mail.ru

The article reveals certain aspects of the regional disproportion of the Federal Republic of Germany treating the housing stock as an indicator and taking into account such criteria as the age of the buildings, the area of the premises, the ratio of property and lease, the type of the building, etc. The main attention is paid to the results of the first population census that was conducted after the unification of Germany in 2011 and the reports on German unity, which accumulate the federal government's strategic principles for the housing provision of the population. The author notes the interrelationship between reduction in the population of the Federal Republic of Germany, primarily East Germany, and the state of the housing market.

Key words and phrases: Germany; regional disproportion; housing stock; housing market; demographic situation; census of the Federal Republic of Germany.

УДК 94(47)“1914/19”

Дата поступления рукописи: 27.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-9.10>

В статье на примере Пермской губернии рассматриваются эмоциональный и поведенческий аспекты патриотизма как социально-психологического явления периода Первой мировой войны. Документальные материалы позволили выявить особенности проявлений патриотических чувств жителей провинции в ситуации военного времени, оценить уровень организации мероприятий патриотического характера. Мероприятия патриотической направленности создавали в провинциальном пространстве необходимую эмоциональную среду и, превратившись в 1914 г. в систему, стали действенным средством социокультурной регуляции поведения жителей провинции.

Ключевые слова и фразы: патриотизм; Первая мировая война; сбор пожертвований; встречи раненых; добровольчество; Пермская губерния.

Шувалова Юлия Борисовна, к.и.н., доцент

Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова
schuwaljul@mail.ru

**ПАТРИОТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ
В ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Современная кризисная геополитическая ситуация, связанная с трансформацией однополярной модели мировой цивилизации, актуализировала вопрос о роли Российской Федерации в мировом сообществе. В этой связи по-прежнему сохраняет свою значимость проблема национальной самоидентификации россиян. Одним из действенных инструментов формирования социально-политической и психологической идентификации народа является патриотизм (как идеологический конструкт и как чувство).

Закономерно, что в настоящее время социально-психологическая природа и механизм формирования патриотизма становятся предметом специальных исследований [4; 11; 15] и одной из доминант в комплексе государственных программ в сфере образования и воспитания. В этом отношении представляет интерес ретроспективное изучение процессов трансформации общественного сознания провинциальных сообществ и социального поведения населения в контексте кризисных геополитических ситуаций, например, в ситуации Первой мировой войны.

В историографии Первой мировой войны до сих пор остаются «белые пятна». К числу последних относятся вопросы, связанные с моральным состоянием общества в обстоятельствах военного времени [22]. Отдельные исследования ситуации в провинциальных губерниях центральной России и южного Урала (Тамбовская, Калужская, Орловская, Оренбургская губернии и др.) поднимают данную проблематику [2; 3; 5; 9; 10; 18; 21]. В частности, на основе данных этих работ можно говорить о наличии общих черт в поведении жителей провинции в ситуации глобального геополитического кризиса-катастрофы: участие в патриотических манифестациях, рост антигерманских и антиавстрийских настроений и т.п. Фиксируются две психологические доминанты-тенденции. Во-первых, в условиях чрезвычайной ситуации у жителей российской провинции формировалось устойчивое состояние эмоционального стресса, что приводило к дезадаптации человека в обществе, активизации механизмов психологической защиты, увеличению случаев девиантного поведения. Во-вторых, в сложной геополитической обстановке россияне все активнее демонстрировали свои патриотические настроения.

Оценочные суждения исследователей относительно роста патриотических настроений в начале войны довольно однозначны. Большинство из них расценивают всплеск патриотизма в 1914 г. [1, с. 103] как стихийное, иррациональное явление [2, с. 78], так называемый квасной патриотизм [23, с. 31]. Довольно распространенным тезисом является утверждение о том, что государство не смогло создать необходимые условия для мотивации общества на нужды обороны [2, с. 78-79; 21, с. 195].

Ретроспективный анализ ситуации в относительно удаленном от центра России регионе «традиционной провинциальности» (например, на Среднем Урале) позволяет уточнить особенности проявлений патриотических чувств жителей провинции в ситуации военного времени; понять, каким образом патриотические настроения населения влияли на привычный ход жизни провинциального сообщества; оценить уровень организации мероприятий патриотического характера, проводившихся на местах.

География исследования ограничена территорией Пермской губернии. Сформировавшиеся к началу XX столетия социальные практики местных жителей, например, любительские спектакли, лотереи, катание на коньках; в Перми – вечерние прогулки в загородном саду, лыжные прогулки и др., характеризовались регулярностью, предсказуемостью, понятностью и узнаваемостью. Отличительные черты административных центров губернии вполне соотносятся с характеристиками и признаками провинциальных городов Российской империи начала XX в., выделяемыми исследователями [8, с. 10; 19, с. 5, 13]. Соответственно, губернский и уездные центры, заводские поселения Пермской губернии могут быть рассмотрены как социальная общность традиционной провинциальности.

Корпус источников, на которых базируется исследование, включает в себя делопроизводственные документы и материалы периодической печати.

Основное внимание будет сосредоточено на нескольких способах проявления патриотических чувств: участие в сборе пожертвований, помощь при встречах эшелонов с ранеными и добровольчество, что позволит раскрыть эмоциональный и поведенческий аспекты патриотизма как социально-психологического явления в жизни провинции.

Реалии Первой мировой войны внесли коррективы в привычное течение жизни провинции. Сама по себе ситуация военного времени – «пограничная» [21, с. 54-55], чрезвычайная, дезорганизующая и, одновременно, мобилизующая – создавала почву для изменения общественного сознания и социальной культуры провинциального сообщества. Частная жизнь теряла свой приватный характер: проводы в действующую армию, посмертное вручение наград родственникам, похороны, – становились событием публичным.

Патриотические чувства взрослого человека выражались в осознанном или спонтанно-осознанном действии. Чаще всего, патриотизм взрослого населения проявлялся в посильной трудовой помощи (шитье одежды, помощь при перевозке и уход за ранеными и др.), готовности делиться последним на благо Родины [7, д. 708, л. 26-28, 32 – 32 об., 34 – 34 об., 41, 43-44; 16, с. 447-468].

Одним из способов проявления патриотических чувств стало участие в сборе пожертвований на нужды военного времени. Сбор пожертвований в пользу воинов и их семей в Пермской губернии довольно быстро превратился в регулярную систему мероприятий. Некоторые из них инициировались на местах, соответственно, имели локальный характер. Например, «Неделя сбора вещей», проходившая с 19 по 26 октября 1914 г. на Мотовилихинском заводе. Там в течение недели по улицам для сбора теплых вещей, денежных пожертвований, табака, сахара и прочего возили в сопровождении приходских священников и районных дам солдатские фуры [12, 19 октября]. Другие, как, например, акция «День Красного Креста», проводились одновременно по территории всей губернии. В таком случае формат мероприятия был вариативен. В одних населенных пунктах инициативная группа ограничивалась организацией кружечного сбора, в других, например, в Чусовском заводе, к проведению «Дня Красного Креста» был приурочен крестный ход с флагами, с хором певчих и оркестром [Там же, 7 октября, 9 октября, 23 ноября]. Иногда разрешенное губернскими властями мероприятие начиналось довольно стихийно, например, сбор денег по подписному листу на покупку табака для раненых, находившихся в местных лазаретах, прошедший в начале ноября 1914 г. в Пермском речном училище [Там же, 26 октября, 1 ноября]. В дальнейшем мероприятия подобного рода регулярно проводились по субботам по всему городу («День табака»).

Отметим, что при известной стихийности процесс сбора пожертвований в годы Первой мировой войны отличался довольно высоким уровнем организованности. Сбор пожертвований контролировался губернатором, существовали специально созданные органы (комитеты, комиссии, дамские кружки и т.п.), занимавшиеся организацией мероприятия непосредственно на местах [Там же, 13 ноября, 23 ноября], пожертвования носили публичный характер. Практически в каждом номере «Пермских губернских ведомостей», начиная со второй половины 1914 г. – 1916 г., публиковались списки лиц, внесших пожертвования на нужды раненых, беженцев, пленных, вне зависимости от вносимых сумм.

Списки жертвователей позволяют утверждать, что стихийные патриотические чувства проявляли представители всех слоев общества, вне зависимости от статуса и имущественного положения.

Патриотизм уже со второй половины 1914 г. становится важным фактором развития досугового пространства провинциального сообщества. Патриотические чувства меняли привычный ход развлекательных мероприятий. Началу любительских спектаклей, например, предшествовали исполнение гимна, публичное чтение правительственных телеграмм (от императора), бурное проявление эмоций – крики «Ура!» [12, 31 августа, 21 октября; 13, 18 ноября]. Познавательные потребности населения также все более ориентировались на войну и военные сюжеты. Это отражалось на содержательной стороне народных чтений и публичных

лекций, любительских спектаклей и проч. Например, ставились живые картины «День милосердия – помощь раненым» [12, 21 сентября].

Формировались условия, благоприятные для «включения» механизмов массового стихийного поведения. Поэтому вполне закономерным явлением в тыловых регионах стало массовое публичное действие, так или иначе связанное с ситуацией военного времени. Одна из форм массового публичного действия, которая возникла и регулярно воспроизводилась в связи с военными событиями, – встреча раненых. Событие, повторявшееся довольно часто, масштабное по количеству задействованных горожан, организованное и, в то же время, сохранявшее значительный элемент стихийности.

Следует отметить, что раненые, как особая социальная группа, оказывающая прямое и косвенное воздействие на повседневную жизнь провинциального города, упоминаются всеми региональными исследователями. Взаимодействие местного населения с ранеными становилось важным фактором актуализации патриотических чувств у жителей тыловых регионов. В исследованиях, затрагивающих данный вопрос, в основном анализируются отдельные аспекты пребывания раненых в тылу: создание и обустройство госпиталей, количество лазаретов в пределах конкретной губернии, численность прибывших на излечение, организация досуга раненых местными жителями [2, с. 186-189; 3, с. 141, 155; 5, с. 181-204]. В отдельных работах делается попытка интерпретировать процесс взаимодействия раненых и провинциального сообщества с позиций исторической психологии. Так, авторы коллективного труда «Россия в годы Первой мировой войны...» рассматривают заботу о раненых как форму деятельного отношения к войне, как один из способов справиться со страхом неопределенности будущего [16, с. 485-487]. Иногда дается выборочное описание нескольких встреч раненых в губернском центре [2, с. 189-190].

Анализ материалов «Пермских губернских ведомостей» за 1914-1916 гг. [12-14] позволяет охарактеризовать динамику прибытия раненых, масштабы и устоявшиеся ритуалы встреч, участие официальных лиц, уровень организованности встреч, другие вопросы на примере города Перми, губернского центра, в который / через который отправлялись эшелоны с ранеными.

Динамика прибытия раненых выглядит следующим образом. Только за вторую половину 1914 года через Пермь и в Пермь проследовало 19 поездов и пароходов с ранеными воинами, в 1915 г. – 69, в 1916 – около 40 [Там же]. Среднее количество раненых, прибывавших с эшелоном, со временем также выросло: со 100-150 человек в 1914 г. до 400-500 – в последующий период. Соответственно, встречи раненых со временем становились все более и более масштабным событием (до начала 1916 г.).

Организационные моменты, связанные с перемещением раненых в местные лазареты, взял на себя комитет земских служащих при губернской земской управе. Специально были оборудованы помещения для встречи раненых, сформированы отряды санитаров из учеников учебных заведений города, служащих городского управления и земства, частных лиц, общее количество которых составляло около 400 человек [12, 3 сентября, 8 сентября, 10 сентября].

Со временем сложился устойчивый порядок действий: предварительное извещение жителей города через прессу; сигнал-сирена о прибытии поезда или парохода, который подавался за 40-50 минут до прибытия партии раненых; их встреча на вокзале, стихийно организованные сборы папирос и денег, препровождение раненых в пролетках извозчиков-добровольцев с помощью санитаров в лазареты [12, 19 сентября, 12 декабря; 13, 19 февраля]. На встречах присутствовала масса публики, особенно в 1914 г. – начале 1915 г.: «...вся набережная от пристани к городу и крыши домов усеяны были народом», «...публика переполнила пароходную пристань и всю улицу до почты». Раненых встречали цветами, криками «Ура!», пением гимнов России и союзных держав, иногда – с оркестром [12, 8 сентября, 11 сентября, 10 октября, 4 ноября, 8 декабря].

Особо отметим эмпатическое восприятие местными жителями раненых. По впечатлениям прибывшего на излечение старшего унтер-офицера С. Тимашева, «каждого встречали ласковые взоры с жалостным впечатлением, точно хотели что-то спросить и разделить» [13, 19 февраля]. Один из литературных вечеров, организованных для раненых, по отзыву журналиста, вылился в «какое-то патриотическое действие, смысл которого не в развлечении, а в обоюдном утешении» [12, 28 ноября].

В периодической печати подробные описания встреч раненых в губернском центре со временем появляются все реже и реже: за вторую половину 1914 г. – 7 статей, за 1915 г. – 2, за 1916 г. – ни одной [12-14]. Объяснение данному феномену может быть двояким. С одной стороны, вторая половина 1914 года – начало военных действий – характеризовалась большим патриотическим подъемом, массовостью в проявлении патриотических чувств, чем последующий период времени, когда в обществе фиксировалась усталость от войны. С другой стороны, регулярно повторявшиеся в городском пространстве события и социальные практики могли вызывать феномен привыкания, стать буднями, потерять новизну и интерес для журналистов.

В 1914 г и до марта 1915 г. раненых встречали представители губернской администрации, как правило, начальник губернии и/или вице-губернатор, представители военных властей и местного самоуправления [12; 13]. Так, в первый раз прибывших раненых, помимо военного начальства, встречали: начальник губернии М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский; вице-губернатор В. И. Европеус; городской голова П. А. Рябинин; заступающий место председателя губернской земской управы Е. П. Калугин. Были и представители религиозных властей – епископ Пермский и Соликамский Андроник, который благословлял доблестных русских воинов и собственноручно вручал каждому раненому христианский крестик [12, 8 сентября].

С марта 1915 г. эшелоны с ранеными встречали начальник Пермского окружного эвакуационного пункта генерал П. С. Александров, представитель местных органов самоуправления, уполномоченный Красного

Креста. Представители власти губернского уровня (губернатор, вице-губернатор) в сообщениях периодической печати, посвященных прибытию санитарных поездов, как правило, не упоминаются.

В сообщениях и заметках, посвященных встречам раненых, не упоминаются рядовые горожане, вероятно, в силу многочисленности последних.

В целом, встречи раненых и последующее размещение их по лазаретам губернского центра представляются весьма организованным и продуманным мероприятием, несмотря на наличие спонтанных проявлений патриотических чувств практически у всех участников действия.

Характерным явлением периода, судя по региональным исследованиям, стало добровольческое движение, наблюдавшееся в масштабах России [2, с. 47, 113; 4, с. 37-38]. Пермская губерния – не исключение. Анализ ситуации в провинциальном губернском центре позволяет уточнить возможные варианты поведения в зависимости от возраста жителей провинции.

Упоминания в прессе мужчин средних лет, взрослых, ушедших в действующую армию добровольцами, носят единичный характер. Они попадали на фронт преимущественно в ходе мобилизаций. Гораздо чаще в местной прессе упоминаются дети, подростки и юноши, стремившиеся уйти на фронт добровольцами.

Наиболее частый вариант для детей в этой связи – бегство на театр военных действий. В официальной прессе (газета «Пермские губернские ведомости») заметки о подобного рода случаях появлялись с достаточной регулярностью в 1914 г., реже – в 1915 г. Безусловно, имела место романтизация ситуации военного времени, дети бежали на войну, «по объяснению некоторых учеников... разведчиками» [6, д. 622, л. 42, 43; 12, 19 октября, 7 ноября, 13 ноября, 24 ноября, 28 ноября, 29 ноября; 13, 26 января, 24 сентября].

Убегали на фронт, как правило, вдвоем, подростки в возрасте 11-13 лет, предварительно сговорившись, но без тщательной подготовки: «...кроме лыж, полкаравая хлеба и трех пирожков маленькие добровольцы с собой ничего не взяли» [13, 26 января]. В отдельных случаях фиксировались повторные попытки бегства. Единичный случай: шестилетний ребенок «бежал из Перми на войну к отцу», дошел до Макарьевского уезда [Костромской губернии] [12, 19 октября]. Патриотические чувства детей, таким образом, носили наивный характер и выражались в подражании образцам поведения взрослых.

У молодежи стихийные патриотические чувства выливались в стремление законным образом попасть на театр военных действий и стать сопричастными к происходящим событиям. Этому способствовало разрешение привлекать в действующую армию студентов [Там же, 10 октября]. Довольно распространенным явлением среди учащихся и студентов, поэтому, стали случаи ухода в действующую армию добровольцем или поступление в военное училище. Типичность подобных настроений среди учащихся средних учебных заведений косвенно подтверждается официально разрешенной с 1916 г. практикой досрочных выпускных экзаменов для добровольцев при наличии письменного согласия их родителей [13, 18 ноября]. Отметим, что гимназисты выпускных классов планировали, как правило, сперва окончить военное училище и только затем отправиться на театр военных действий. Сразу на фронте стремились оказаться учащиеся и выпускники училищ.

Скорее всего, формат принятого решения зависел от возрастных особенностей субъектов социального действия: чем младше молодой человек, тем больше свойственен ему «известный юношеский эгоцентризм с сопутствующим ему чувством неуязвимости и бессмертия, недооценкой вероятности печального исхода. Неадекватная оценка неопределенности, вероятности и случайности не позволяет разносторонне проанализировать ситуацию» [17, с. 449].

Также большое значение имело время принятия решения: чем раньше (сентябрь-октябрь 1914 г.) высказывалось желание уйти на фронт, тем менее обдуманно оно было. К примеру, из четырех семинаристов, пожелавших уйти на фронт в сентябре 1914 г., в начале октября отправилось только двое [12, 7 октября]. Следовательно, социальное действие во многом носило спонтанный характер. Показательно, что героический и патриотический настрой сохранялся на театре военных действий: в ноябрьском номере «Пермских губернских ведомостей» за 1914 г. [Там же, 30 ноября] опубликована заметка о награждении 18-летнего добровольца-семинариста К. М. Авдеева офицерским орденом св. Георгия 4 степени.

Таким образом, психологическое состояние общества с неизбежностью влияло на эмоциональное состояние подрастающего поколения. Дети и молодежь проявляли патриотические чувства спонтанно, в соответствии со своими возрастными особенностями.

В целом, проявления патриотизма в период Первой мировой войны фиксируются в социальных действиях отдельных лиц, малых и крупных социальных групп, вне зависимости от возраста. Выражение патриотических чувств могло иметь характер осознанного или, наоборот, необдуманного действия. И в том, и в другом случае – это реакция индивида, отражающая настроение окружающих. Степень осознанности патриотических настроений влияла на способы их выражения и зависела от возрастных характеристик индивида.

Материалы провинциальных губерний позволяют говорить о формировании в сжатые сроки системы патриотических мероприятий. Сборы пожертвований, проводившиеся в формате «Дня табака», «Дня Красного Креста» и др., носили организованный характер, проводились при обязательном одобрении начальника губернии. Устойчивой социальной практикой в провинции становились такие события, как, например, встречи раненых, устройство которых актуализировало в обществе механизмы самоорганизации. Обращает на себя внимание официальность некоторых мероприятий, например, встречи раненых с присутствием начальника губернии, вице-губернатора, начальника местного гарнизона, городского головы, представителей земства.

Патриотизм в годы Первой мировой войны жители российской провинции выражали массово и публично. Привычными стали стихийные и эмоциональные проявления своих чувств у участников мероприятий

патриотической направленности. Такие события в ситуации войны, воспринимаемой обществом как Отечественная, ориентировали личность в сложной исторической ситуации, генерировали новые формы и способы социализации. По всей видимости, уже в 1914 г. мероприятия патриотического характера становились действенным средством социокультурной регуляции поведения жителей провинции.

Патриотизм создавал в провинциальном пространстве необходимую эмоциональную среду, чувство сопричастности к происходящему. Он ситуативно ускорял процесс формирования эмоциональной общности в больших массах людей (особенно в крупных административных центрах), способствуя превращению рядового обывателя в субъекта общественной жизни провинциального сообщества.

Список источников

1. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917): 1914. Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.
2. Алехин Д. В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2003. 266 с.
3. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. 288 с.
4. Беспалова Т. В. Патриотизм как форма социокультурной идентификации в конфликтных условиях российского переходного общества: дисс. ... д. филос. н. СПб., 2011. 318 с.
5. Гавриков Ф. А. Города российской провинции в условиях Первой мировой войны (на примере Курской губернии): дисс. ... к.и.н. Курск, 2006. 307 с.
6. Государственный архив Пермского края. Ф. 65. Оп. 2.
7. Государственный архив Пермского края. Ф. 198. Оп. 1.
8. Деткова И. Ю. Духовная жизнь малого провинциального города (на примере Шадринска первой половины XX в.): автореф. дисс. ... к. культурологии. Челябинск, 2009. 25 с.
9. Журавлева М. Д. Крестьянство Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны: общественное сознание и социальное поведение: дисс. ... к.и.н. Саранск, 2001. 239 с.
10. Крайкин В. В. Первая мировая война в восприятии крестьян (по материалам Орловской губернии): дисс. ... к.и.н. Брянск, 2009. 239 с.
11. Патриотизм как идеология возрождения России: сб. ст. и докл. / отв. ред. Т. С. Гузенкова; Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2014. 260 с.
12. Пермские губернские ведомости. Пермь, 1914.
13. Пермские губернские ведомости. Пермь, 1915.
14. Пермские губернские ведомости. Пермь, 1916.
15. Понделков А. В. Патриотизм как основа современной национальной безопасности // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 5. С. 6-10.
16. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.
17. Румянцева А. В. Личностные факторы принятия решений в старшем школьном возрасте // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 448-452.
18. Сафонов Д. А. Первая мировая война и провинция (на материалах Оренбургской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (11). С. 57-65.
19. Свешникова Е. Е. Социокультурная жизнь губернского города Центрально-Черноземной России конца XIX – начала XX вв. (на примере Орла и Курска): автореф. дисс. ... к.и.н. Ярославль, 2008. 22 с.
20. Семенова Е. Ю. Поведенческие практики городского населения как отражение мировоззрения и настроения общества тыловых районов России в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): междунар. науч. конф., 14-16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова; отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 237-242.
21. Сенявская Е. С. Психология войны XX века: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
22. Филатов А. История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, «белые пятна» // Российская история. 2017. № 4. С. 103-122.
23. Яковлев Н. И. 1 августа 1914. М.: Эксмо, 2003. 352 с.

**PATRIOTISM AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON IN THE LIFE
OF THE PROVINCIAL COMMUNITY DURING THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR
(BY THE EXAMPLE OF PERM PROVINCE)**

Shuvalova Yuliya Borisovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Perm State Agricultural Academy named after academician D. N. Prianishnikov
schuwaljul@mail.ru

By the example of Perm province, the article examines the emotional and behavioral aspects of patriotism as a socio-psychological phenomenon during the First World War. Documentary materials have made it possible to reveal the peculiarities of the manifestations of the province inhabitants' patriotic feelings in the situation of the wartime, to assess the level of patriotic events organization. Patriotically orientated activities created necessary emotional background in the provincial environment, and having turned into a system in 1914, became an effective means of the socio-cultural regulation of the province inhabitants' behavior.

Key words and phrases: patriotism; The First World War; collection of donations; meetings of the wounded; volunteering; Perm province.